

Вещи из царского погребения. Аржан-2

Все золото Туввы

Анджей Иконников-Галицкий.
Фото: Владимир Теробенин.

Открытие древнескифского царского погребения в кургане Аржан-2 на севере Тувы в 2001 году стало первой археологической сенсацией нового тысячелетия. После кропотливой реставрации в Государственном Эрмитаже найденные в кургане вещи переданы в Национальный музей республики Тува. Возрождение скифских сокровищ, их явление миру и возвращение на историческую родину — все это стало возможным благодаря межмузейному сотрудничеству.

Чары «Долины царей»

Коллекция аржанских вещей занимает два зала торжественно открывшейся в начале ноября выставки в Кызыле. От их золотого блеска устают глаза. Посетитель словно попадает в изысканный и грозный загробный мир древних кочевников.

Золотые бляшки в виде пантер или барсов, украшавшие погребальные одежды царя и царицы. Золотые лошадки — принадлежность мужского головного убора, и шпильки с оленями — женского. Мельчайший золотой бисер, которым были расшиты штаны. Золотая гривна, служившая, видимо, символом власти. Золотая пектораль в виде полумесяца,

крупные тяжелые серьги. Золотые застежки и обоймы ремней. Многие предметы опоясаны сложным орнаментом из бегущих зверей, искусно вписанных друг в друга, их хоровод завораживает.

Целый оружейный арсенал: горит (футляр для лука и колчана), от которого сохранились деревянный киль, обтянутый золотой фольгой, и донце; золотые звенья портупей и фигурки кабанчиков (их более трехсот); чекан (боевой молот); наконечники стрел, ножи и кинжалы — железные, с тончайшей золотой инкрустацией. Из предметов, скорее всего, ритуального назначения: бронзовые зеркальца,

Наследие

Тува. Уюкская долина

золотой котелочек-чаша, сосуд с ручкой наподобие ноги копытного животного. Уборы коней: налобники, нахвостники, украшения в виде рыб, вырезанные из золотой фольги; древние принадлежности упряжи — псалии, изображения пантер и верблюжьих голов, украшавшие ремни узды.

Все это и многое другое было обнаружено петербургскими археологами при раскопках большого каменного кургана в тувинской Долине царей и возвращено к жизни реставраторами Эрмитажа.

Что там, в курганах?

Извилистая неглубокая речка Уюк, скатываясь с заросших буреломной тайгой отрогов Куртушибинского хребта, бежит по степи на восток, чтобы километров через сто влиться в быстрый и холодный поток Большого Енисея. На пространстве Уюкской долины здесь и там возвышаются каменные холмы, отроги старых гор. По-видимому, места эти с

давних времен имели сакральное значение для центрально-азиатских кочевников. В северо-восточной, сжатой горными хребтами стороне долины — множество погребально-поминальных сооружений, разновеликих курганов, с земляной и с каменной насыпью. Самые древние датируются IX веком до нашей эры.

Ученые заинтересовались погребениями Уюкской котловины еще в начале XX века: несколько курганов были раскопаны экспедицией пионера сибирской археологии А. В. Адрианова. Систематические раскопки начались после присоединения Тувы к СССР (1944 год). Тогда внимание археологов привлекла группа могучих (от 80 до 120 метров в диаметре) каменных курганов между городком Туран и поселком Аржан. В 1971–1974 годах экспедиция М. П. Грязнова раскопала самый большой из них, на окраине Аржана. Курган был разграблен еще в древности, тем не менее его исследование принесло множество находок и научных сведений.

Только через три десятилетия удалось вплотную заняться следующим каменным гигантом, расположенным близ автодороги Туран — Аржан. Его обследовал петербургский археолог К. В. Чугунов в 1999 году. Время для российской науки было трудное, без помощи из-за границы не обойтись. Проектом заинтересовался Германский институт археологии, возникла российско-германская центрально-азиатская экспедиция. В 2001 году приступили к раскопкам главного погребения. И сразу же — открытие, сравнимое, скажем, с открытием гробницы Тутанхамона. . . Если Аржан-2 вообще можно с чем-нибудь сравнивать.

По скифскому обычаю

Впервые я побывал здесь в июле 2001 года, через несколько дней после того, как ошеломленным взглядам археологов

Шпилька из женского головного убора

Главный раскоп Аржана-2

предстало золотое царство. Прекрасно помню свои впечатления. Раздольная степь, трава, волнуемая ветром. Бесконечное небо, коршун парит в нем. Подошел к отвесному краю ямы, посмотрел вниз, в пятиметровую глубину и — перехватило дыхание. Показалось даже, что я еще не проснулся, сплю в тряском кузове экспедиционного ГАЗа-66 и вижу фантастический сон.

На дне, на досках прекрасно сохранившегося лиственничного пола лежали останки двух человек: по скифскому обычаю на боку, с согнутыми в коленях ногами. Вокруг их полуразрушенных костей мерцало золотистое сияние — как будто на усопших была одежда из светоносной прозрачной ткани. Волшебный эффект создавался тысячами золотых бисеринок и мелких бляшек, некогда нашитых на погребальные ризы. Рядом — массивная золотая гривна, контуры горита. Золотые лошадки возле черепов — остатки головных уборов. Начальник экспедиции Константин Чугунов склонился на коленях над драгоценной россыпью, вокруг него сгрудились питерские археологи.

Главное погребение, как и еще полтора десятка сопроводительных, обнаруженных на площади кургана, оказалось не только не разграбленным, но — уникальный случай! — вообще не тронутым. Археологи первыми сняли каменную насыпь, грунт и два наката лиственничных бревен, первыми увидели останки древних царя и царицы и сияние

вокруг них. Радиоуглеродный и дендрохронологический анализ позволили определить дату погребения: середина VII века до н. э. Двадцать семь столетий никто не нарушал покой мертвых.

Потом были еще три сезона раскопок, в ходе которых полностью исследовали площадь кургана, его структуру, сопроводительные захоронения. С того самого, невероятного лета 2001 года экспедицию взял под свое крыло Государственный Эрмитаж. Сокровища скифских царей отправились из Тувы в его лаборатории — на консервацию и реставрацию. Эти работы продолжались более четырех лет.

Нет предела совершенству

— Только в основном погребении согласно описи было более девяти тысяч предметов, включая многочисленные бусы и серийные изделия, — вспоминает заместитель директора, главный хранитель Эрмитажа Светлана Адаксина. — Это не считая золотого бисера, которым были расшиты штаны погребенного вождя. Его просто невозможно было сосчитать. Каждая бисеринка диаметром около миллиметра, а в ней — отверстие для продевания нити... Но не количество предметов и тем более не вес имеют значение. Вещи из кургана Аржан-2 — а это не только золото, но и бронзовые, и железные изделия, в том числе инкрустированные золотом, и изображения на камне (петроглифы) и многое другое — ценны прежде всего как части единого целого. Это — единственный из ныне известных больших, так называемых царских курганов скифского времени, дошедший до нас в том состоянии, в котором он находился сразу после совершения погребальных ритуалов (за исключением, конечно, изменений, вызванных естественными процессами). Благодаря этому удалось восстановить особенности образа жизни

Котелок-чаша

Наследие

аржанской коллекции с огромным успехом экспонировалась в Мюнхене, Гамбурге, Берлине.

Весной 2008 года аржанские вещи вернулись в Петербург. И почти сразу в соответствии с решением Министерства культуры России, поддержанным руководством Эрмитажа, отправились на историческую родину, в Кызыл, столицу Республики Тувы. В июне–июле состоялась передача блистательной коллекции на постоянное хранение в Национальный музей имени 60 богатырей.

Для Тувы, ее властей, ее главного музея это обретение оказалась не только радостным событием, но и серьезным испытанием. Вещи такого уровня, да еще из драгоценного металла, требуют особых условий хранения и экспонирования. Нужны бронированные двери, специальные сейфы, витрины с пуленепробиваемыми стеклами, современные системы сигнализации, контроля температуры и влажности. Чтобы правильно организовать экспозицию, продолжать исследовательскую работу с вещами, нужны высококвалифицированные специалисты.

Всего этого в Туве не было. Да и вряд ли могло быть в республике с населением чуть больше трехсот тысяч, с экономикой, разрушенной под корень в лихие девяностые годы, и с бюджетом, чуть ли не на сто процентов дотационным. Можно, конечно, спорить: так стоило ли передавать аржанскую коллекцию в отдаленный провинциальный музей? Но решение принято, и тувинскому музею надо было помочь. Деньги на оборудование экспозиции нашлись в федеральном бюджете. А научно-консультативную помощь коллегам оказал Эрмитаж.

Праздник, каким стало открытие выставки в Кызыле, окончательно убедил: все-таки правильно, что аржанские вещи вернулись на ту землю, в которой они пролежали 27 веков.

Реставрация кинжала-акинака продолжалась более года

и быта кочевников, технологии и детали погребального обряда. Например, реконструировать покрой и орнаментацию одежды царя и царицы, покоящихся в главной могиле. Второе, что определяет ценность многих аржанских вещей, — их высочайший художественный уровень. Реставрация этих произведений древнескифского искусства представляла собой сложнейшую задачу. Скажем, железные наконечники стрел, кинжалы-акинаки, ножи и боевой топор-чекан в момент обнаружения выглядели как бесформенные конгломераты ржавчины. Наши реставраторы сумели выявить, расчистить и закрепить золотые инкрустации, а затем восстановить внешний вид этих предметов. Ныне они поражают тонкостью исполнения и художественным совершенством.

Обретение обязывает

В марте 2004 года Эрмитаж показал эти реликвии на выставке «Аржан — источник в Долине царей». На ее открытии в Арапском зале яблоку негде было упасть, и в последующие месяцы интерес к ней специалистов и рядовых посетителей не угасал. В 2006–2008 годах большая часть

Олень с головного убора царя

Комментирует директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский

Межмузейное сотрудничество — материя деликатная. Тем не менее музеи находят общий язык, потому что чаще всего их интересы и задачи сходятся. Сотрудничество в сфере археологии — материя еще более тонкая. Пока найденные при раскопках вещи негде было хранить, они собирались в столицах, потом, когда появились музеи на местах, постепенно стали оставаться на территориях, где их находили. Причем, напомним, все найденное в России становится частью Музейного фонда РФ.

Каждая страна хочет, чтобы вещи, обнаруженные на ее территории, у нее и оставались. Многие ученые не разделяют позицию египетских археологов, призывающих вернуть домой все, что было найдено при раскопках в Египте. Ведь благодаря этим вещам, которые можно увидеть даже в средней руки музеях по всему миру, любой школьник знает про Древний Египет. А, например, мексиканские вещи, которые ничуть не хуже египетских, в мире знают меньше, потому что в Мексике с начала раскопок действовали более строгие запреты на вывоз. Внутри страны от места музейной «прописки» археологической реликвии тоже зависит, приедут ли на нее смотреть, и кто именно. Возможно, отдыхающие поблизости туристы смогут это сделать, а люди, которым важно увидеть

Золотая гривна, служившая у скифов символом власти

памятник искусства, могут и не добраться. Поэтому нужно стремиться к разумному компромиссу: что хранить и экспонировать на месте обнаружения, а что — в универсальных музеях. В Эрмитаже вещи показывают в контексте мировой цивилизации, это совершенно другая «песня», другая игра, другая музыка! Вещи из Аржана-2 исследовали и реставрировали в Эрмитаже, в рамках совместного российско-германского проекта, и нигде, кроме Эрмитажа, это нельзя было сделать лучше. Они долго экспонировались в Эрмитаже, после — на большой международной выставке, где без этой нашей связи могли и не оказаться или, оказавшись, затеряться. Затем мы подготовили и передали в Туву 99,9 процента вещей, лишь некоторое количество массовых образцов

оставили в Эрмитаже «на память» для исследователей.

Межмузейное сотрудничество — это еще и способ заставить власти поддерживать музеи. При подготовке выездных выставок Эрмитаж выдвигает перечень условий, помогающих модернизировать музеи, где они проводятся. Так и в данном случае у нас было настойчивое требование, доведенное до министерства, что нельзя эти вещи отдавать, пока музей не обеспечит надежных условий их экспонирования и хранения. И даже переданные вещи сначала попали в банк, поскольку в музее не было соответствующих систем охраны и безопасности. Насколько я понимаю, нашлись спонсоры, которые помогли. К счастью, сотрудничество музеев предусматривает много промежуточных, юридически узаконенных форм бытования вещей — долгосрочное хранение, промежу-

Мексиканские вещи, которые ничуть не хуже египетских, в мире знают меньше, потому что в Мексике с начала раскопок действовали более строгие запреты на вывоз

точные выставки... И я абсолютно уверен, что мы еще не раз попросим вещи из Тувы показать в Эрмитаже в контексте наших выставок.

Жизнь продолжается, а вместе с ней и раскопки. Очень важно, чтобы эта прекрасная экспозиция в Кызыле подвигла власти республики к защите своих археологических памятников. Потому что такая выставка провоцирует и «черных археологов» на грабежи — мол, смотрите, что можно найти в кургане. Остановить их

трудно, и только власти в состоянии это сделать. Какой еще нужен стимул к охране всего, что скрыто в земле, от разгрома мародеров и к помощи ученым в проведении раскопок?!